

После той странной, смущающей ночи, полной неясных сновидений, Лу Синъянь почувствовал, что между ним и Гу Юньшэнем что-то изменилось. Это ощущение, словно брошенный в спокойную гладь озера камень, порождало круги на воде, которые никак не желали утихать. К первоначальному любопытству, чувству зависимости и упрямому желанию доказать свою состоятельность прибавилось нечто невыразимое — зудящее чувство близости и... жажда.

Он стал похож на щенка, нашедшего новую игрушку: всячески изворачивался, стараясь быть рядом с Гу Юньшэнем и прилипая к нему еще сильнее. Утреннее солнце заливало склад снаряжения. Лу Синъянь рассеянno протирал ласты, не сводя при этом глаз с Гу Юньшэня, который сосредоточенно пересчитывал оборудование.

— Брайан, — он пододвинулся ближе, и в его голосе прозвучали нарочито заискивающие нотки. — Тот хвост русалки... он просто невероятно красивый! Ты заказывал его по спецзаказу? Наверное, вложил в него немало сил, да?

Он живо представил, как этот переливающийся всеми цветами радуги чешуйчатый хвост облегает крепкие бедра и длинные ноги Гу Юньшэня, и его уши предательски загорелись.

Гу Юньшэнь даже не поднял головы, продолжая сверять список. Он лишь сухо ответил: «М-м». Лу Синъянь не отступал. Он придвинулся еще ближе, почти касаясь плеча Гу Юньшэня, и заговорил с нотками капризного кокетства:

— Ну покажи, как он на тебе сидит? Наверняка будешь выглядеть сногшибательно! Брайан... ну, дорогой, сделай милость, покажи разок! Всего один раз! Клянусь, я могила, никому ни слова не скажу!

Он поднял три пальца, изображая клятву, а в его глазах вспыхнул чистый, искренний восторг и любопытство.

Гу Юньшэнь наконец отложил ручку и повернулся, глядя на него глазами, спокойными, как глубины океана. Казалось, этот взгляд пронзает его притворную наивность и видит насквозь все скрытые, не самые чистые помыслы. Лу Синъяню стало не по себе, и он отвел взгляд.

— Не покажу, — отказ Гу Юньшэня был кратким и решительным, не оставляющим места для споров. Он закрыл список и буднично сменил тему, перейдя на деловой тон: — Сегодня после обеда основное внимание уделим продувке методом Френзеля. Если не освоишь это, никуда ты не нырнешь.

Днем у бассейна Гу Юньшэнь подробно объяснил и продемонстрировал технику выравнивания давления.

— Закрой голосовую щель, представь, что у тебя в глубине горла сидит маленькое насекомое. Используя корень языка и заднюю стенку нёба, резко и коротко вытолкни его наружу, направляя воздух из полости рта в евстахиевы трубы. Запомни, точка усилия вот здесь, — он

указал чуть выше своего кадыка. — Не в грудной клетке, и ни в коем случае не задействуй мышцы живота, это уже будет маневр Вальсальвы.

Лу Синъянь слушал очень внимательно. В теории все казалось простым, но как только дошло до практики, дело не заладилось. То он подсознательно подключал диафрагму, превращая упражнение в маневр Вальсальвы, отчего грудь начинало давить, то вообще не мог найти ту самую загадочную точку приложения силы, краснел и надувался как индюк, а в ушах так ничего и не происходило. Он в отчаянии ерошил волосы, чувствуя себя полным идиотом, начисто лишенным координации.

— Не пытайся давить силой.

Гу Юньшэнь, не в силах больше смотреть на его неуклюжие попытки, подошел ближе. Лу Синъянь тут же напрягся и вытянулся в струнку. Гу Юньшэнь протянул указательный палец, кончик которого был слегка прохладным, и мягко, но уверенно надавил на выступающую точку чуть выше кадыка парня.

— Почувствуй это место, — голос Гу Юньшэня звучал совсем близко, его дыхание щекотало ушную раковину Лу Синъяня. — Подними корень языка, будто хочешь издать короткий звук «к». Усилие должно быть сосредоточено здесь, в этой крошечной области, а не во всей груди.

Холодный палец, коснувшийся чувствительной кожи, подействовал как слабый электрический разряд: он прошел все тело Лу Синъяня, заставив его замереть. Все внимание было приковано только к этой точке соприкосновения. В воздухе витал запах хлорки и свежий, прохладный аромат морского бриза, исходящий от Гу Юньшэня. Сердце Лу Синъяня бешено колотилось в груди, готовое пробить ребра.

Он изо всех сил постарался отбросить лишние мысли. Следуя указаниям, он сосредоточил всю волю на горле, пытаясь задействовать корень языка. Вдруг послышался легкий щелчок, словно вылетела пробка из бутылки шампанского — поток воздуха успешно открыл евстахиевы трубы, и в ушах наступила долгожданная ясность.

— Получилось! Брайан! Я сделал это! — Лу Синъянь от восторга едва не подпрыгнул прямо в воде. Забыв о недавнем смущении, он обернулся к Гу Юньшэню, одарив его такой искренней, детской улыбкой радости, словно получил самую желанную игрушку в мире. В его глазах читались чистое обожание и зависимость.

Гу Юньшэнь убрал руку, лицо его оставалось бесстрастным, словно это был самый обычный урок. Однако про себя он снова отметил: этот на первый взгляд избалованный мажор обладает невероятной координацией и физической чувствительностью — схватывает все на лету.

Однако радость от успеха не могла избавить от ночных терзаний. Несколько ночей подряд Лу Синъянь видел похожие сны. Теперь они не ограничивались поцелуями при луне — сновидения становились все более детальными и томными. В конце концов, глубокой ночью он, словно под действием чар, прокрался на пустой склад снаряжения.

Лунный свет пробивался сквозь окно, освещая серебристо-голубой хвост. Как замороженный, Лу Синъянь протянул пальцы и принялся нежно гладить прохладную, гладкую силиконовую чешую. На ощупь она была тонкой и эластичной. Его пальцы медленно скользили по поверхности, словно он рисовал не на снаряжении, а очерчивал воображаемые сильные линии пояса и рельефные мышцы спины того мужчины из своих снов... Он ловил себя на мысли: а кожа Гу Юньшэня такая же гладкая, упругая, живая и теплая?

От этой мысли его бросило в жар, сменившийся острым чувством стыда. Каждое утро, просыпаясь и видя на простынях следы своего ночного позора, он чувствовал, что сходит с ума. С одной стороны, он был зависим от той тайной, ни с чем не сравнимой сладости, что дарили ему эти сны. С другой — его охватывало замешательство и самобичевание: как он мог позволить себе такие развратные фантазии о мужчине, который к тому же был его спасителем и наставником?

Наконец, после очередного случая, когда Гу Юньшэнь подошел слишком близко, чтобы показать, как правильно укладывать сигнальный трос, и его знакомый аромат вновь накрыл Лу Синъяня, заставив пульс подскочить за сотню, тот окончательно сломался. Спрятавшись в самом дальнем углу склада, он, как вор, набрал номер своего закадычного друга Чжао Кая.

— Кай, слушай... вопрос есть, — Лу Синъянь понизил голос, с трудом подбирая слова. — В общем... у меня есть один друг... он в последнее время постоянно видит во сне человека. Ну, мужчину. И там, во сне, всё... ну, ты понял. Это вообще нормально? С ним все в порядке?

На другом конце трубки Чжао Кай замолчал на секунду, а затем разразился таким хохотом, что едва не пробил барабанные перепонки Лу Синъяня.

— Ха-ха-ха! Лу Синъянь! Да брось ты эту чушь про друга! Мало ли я знаю твоих знакомых? Колись давай! Что это за божественный красавец запал в душу нашему молодому господину Лу? Да так, что даже сны не дают покоя? Быстро выкладывай фото! Дай брату оценить!

— Пошел ты! Я серьезно спрашиваю! — Лу Синъянь разозлился от стыда, его лицо пылало так, что на нем можно было жарить яичницу.

— Серьезно отвечаю: это же очевидно, как вши на лысине, — Чжао Кай наконец перестал смеяться, его тон стал дразнящим, с нотками предвкушения драмы. — Брат, ты просто запал на него! Если сны об одном и том же человеке снятся постоянно, то это не просто симпатия, это любовь, я на своем имени готов поклясться! Ну, мужик и мужик, подумаешь, в наше время это обычное дело! Но кстати... — он растянул слова, с любопытством добавив: — А у вас в семье нет такой традиции? Помнится, твой старший брат Цзинчуань тоже любил мужчин, не так ли? Ой, смотри мне, не начни заглядываться на своего друга! Предупреждаю, я натурал до мозга костей!

— Иди к черту! Ничего путного от тебя не дождешься! — Лу Синъянь от ярости едва не дымился и сбросил вызов.

Он уткнулся пылающим лицом в колени, но ядовитые слова Чжао Кая, словно семена, пустили крепкие корни в его хаотичных мыслях. Неужели... то, что он чувствует к Гу Юньшэню, — это не просто обожание, благодарность и любопытство, а нечто большее, то самое, что называют «любовью»? Это осознание заставило его и без того взбаламученную душу взвыть от смятения. Он поднял голову и посмотрел на залитое лунным светом море. В его глазах читались растерянность и едва уловимое, скрытое даже от него самого ожидание.

<http://bllate.org/book/22373/2346944>